

РАССКАЗЫВАЕТ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ ВИЛЬГЕЛЬМ ЛЮББЕКЕ

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ - 58-Я ПЕХОТНАЯ ДВИЗИЯ

Вильгельм Люббеке (Heinrich Friedrich Wilhelm Lübbeke, 1920-2021) в 1939 году вскоре после призыва в Вермахт

16-18 апреля 1945 года. Наступил конец. Это был конец моей роты, конец 58-й Пехотной Дивизии. Вероятно, подошел конец Германии и мне. Прошло четыре года со времени вторжения в Россию. 16 апреля 1945 года стало самым тяжким днем войны для меня. За последние несколько часов рота тяжелого оружия, которой я командовал, просто перестала существовать.

Катастрофа у ключевого дорожного перекрестка в городе Фишхаузен/Fischhausen (ныне Приморск - ВК) произошла не в результате боестолкновения, а стала итогом непрерывного артобстрела, который сопровождал нас всю дорогу в ходе нашего отступления, продолжавшегося в последние недели. В конце концов, попав в дорожную пробку вместе с другими немецкими частями, пытавшимися осуществить отход по единственной дороге, ведущей через этот город в Восточной Пруссии, мы лишились последней возможности двигаться дальше. Сконцентрировав свой огонь на этом бутылочном горле, артиллерия четырех советских армий вместе с несколькими сотнями самолетов сконцентрировала на нас свои сокрушительные удары. Каждый, кто не сумел укрыться в какой-нибудь из соседних улиц, был стер с лица земли этим шквалом русских ракет, снарядов и бомб. На западной окраине Фишхаузена пулеметные очереди советского истребителя иссекли мое лицо крохотными пулевыми осколками, и мои глаза, залпанные грязью и залитые кровью, уже почти ничего не видели, но мне повезло: я выжил...

Было очевидно, что примерно из 100 остававшихся в строю парней из моей роты, вступивших в Фишхаузен, большая часть погибла. Гибель такого числа моих людей была мучительным испытанием даже на фоне того, что солдатская смерть стала на войне обычным делом. Наиболее шокирующим моментом для меня стало крушение воинского порядка еще до того, как мы добрались до

Фишкаузена. До этого момента, даже в тех условиях, когда положение на фронте становилось все более катастрофическим, Вермахт успешно поддерживал дисциплину и сплоченность в своих рядах. Теперь все обратилось в хаос.

В этой провальной ситуации казалось невозможным представить себе, что всего 3 ½ года назад те же самые русские были, вроде как, на грани коллапса, когда мы стояли у ворот Ленинграда. Однако за последующие годы мне довелось увидеть, как ход войны постепенно изменился: Советы пришли в себя и объединили усилия с союзниками, вынудив Германию перейти к стратегической обороне.

Я знал, что такое война. Безжалостная жара и пыль летом, холод, пробирающий тебя до костей зимой, бездонная грязь осенью и весной. Ненасытные комары и несметное количество вшей. Отсутствие сна и физическое истощение, пули, со свистом рассекающие воздух, снаряды и бомбы, сотрясающие землю. Смрад разлагающихся трупов, мучительные чувства, охватывающие тебя тогда, когда ты теряешь товарищей. Приводящая в ступор жестокость, боль от разлуки с теми, кого любишь. Даже тогда, когда в тебя не летят снаряды или пули, в жизни на фронте мало приятного. Соблюдение личной гигиены сопряжено с трудностями, вообще ее уровень по сравнению с современными армейскими стандартами очень низок. Иногда нам удавалось принять ванную или душ или оказаться рядом с озером или рекой, где можно было искупаться. Чаще мы просто мылись раз в неделю или около того, имея под рукой немного воды и кусок мыла. Не располагая зубной щеткой, я выдавливал немного зубной пасты себе на палец и так чистил зубы, может, раз или два в неделю. Возможность побриться появлялась раз в пару недель.

Имея под рукой только две пары униформы, мы стирали одежду при любой возможности, которая предоставлялась на фронте. Мы носили одно и то же две или три недели подряд, из-за чего солдаты были почти всегда покрыты расчесанными укусами вшей, - даже зимой. Ты просто чувствовал и видел, как они ползают по тебе всюду и везде. Мы снимали наши кителя, чтобы передавить их, но от всех было невозможно избавиться. Однако, в отличие от траншей и блиндажей ПМВ, у нас было мало проблем с крысами...

В 1941-м, сразу после моего 21-го дня рождения, 17 июня, пришел приказ о скором вторжении в Россию. В воскресенье, 22-го, предрассветное спокойствие было нарушено грохотом орудий, и три миллиона немецких солдат приступили к осуществлению операции *Барбаросса*. Продвигаясь со скоростью 25 километров в день, к 28 июня мы достигли Шауляя, расположенного где-то в 100 километрах к северо-востоку от Паюралиса. Хотя *панцеры* находились далеко впереди нас, быстрое продвижение 58-й Дивизии вскоре привело к тому, что она оказалась в авангарде пехотных дивизий Группы Армий *Север*. Несмотря на случавшиеся транспортные пробки, всё стремительно наступало на восток, придавая нам уверенности в себе. Мы были окрылены успехами и с оптимизмом ожидали того, что Советский Союз будет побежден до того, как наступит зима или последующая весна...

Я всегда хотел быть в самой гуще боя, даже если этим рисковал при этом своей жизнью. После того, как предыдущий передовой наблюдатель получил продвижение по службе и командир роты предложил мне эту позицию и корректировать огонь тяжелых орудий, я с энтузиазмом ухватился за эту возможность. В роли передового наблюдателя мне предстояло стать глазами гаубичных расчетов нашей роты, находившихся в 800-1000 метров от передовой. Регулярно следя за тем, что делал предыдущий наблюдатель, и действуя вместе с ним, я к тому времени приобрел бесценные знания о том, как работает артиллерия.

Бой можно охарактеризовать как контролируемый хаос, но при этом ты должен сохранять спокойствие, чтобы сконцентрироваться на выполнении своей миссии. По своему характеру я подходил для должности передового наблюдателя, поскольку обнаружил у себя способность сохранять рассудок, когда противник атакует, и вместе с тем неутолимое

желание знать о том, что происходит на передовой. Наше продвижение на восток через Эстонию проходило без проблем: противник все время отступал. После двухнедельной перегруппировки, 8 августа, германское наступление возобновилось. В попытке выйти к Нарве, расположенной на русской границе, и закрыть коридор, ведущий в Прибалтику, 154-й Полк нашей дивизии сделал 15-километровый рывок на север от Нисо/Niso (?), туда, где сливаются реки Плюсса и Пыста/Pysta (?). Здесь разрушенный мост через Плюссу, находившийся примерно в 6-7 километрах к югу от эстонской столицы на главной дороге, ведущей к Нарве, остановил наше продвижение.

Немецкие солдаты переправляются через реку на надувной лодке. Восточный фронт

Мы снова пошли вперед жарким солнечным утром 11 августа. Все началось с артиллерийской подготовки, обрушившейся на советские позиции на противоположном берегу реки. Наш полк приступил к переправе через реку на надувных лодках где-то в 50 шагах справа от моста. Не получив каких-либо специальных приказов, относившихся к моим задачам как передового наблюдателя, я решил присоединиться к группе пехотинцев, марширующих к реке. Как только мы подошли к ней, воздух вокруг нас наполнился свистом летящих в нашу сторону снарядов. Мгновенно среагировав на это, я рванул в левую сторону от моста, чтобы найти там укрытие от артогня в одном из окопчиков, вырытых на берегу реки. Уже вскоре этот участок был засыпан шквалом снарядов. Поскольку некоторые из них падали лишь в паре метров от меня, я даже не мог поднять голову, чтобы оглядеться. Когда артобстрел ослаб часов через пять, я решил перебраться через Плюссу, чтобы поискать свою роту и получить новые приказы. Найдя себе место в одной из надувных лодок, я тронулся в путь через русло реки, ширина которого, вероятно, была около 25-30 метров. Когда мы оказались на другом берегу, наверное, в 120-130 метрах от воды, впереди меня, на обочине дороги, я увидел бревенчатый блиндаж. Засевшие в нем советские солдаты вели огонь по нашим, находившимся позади меня. Мне было очевидно, что мы не сможем продвинуться вперед, пока этот блиндаж не будет уничтожен. Поскольку русские сконцентрировали свое внимание на дороге, у меня был шанс подорвать это укрепление своими силами, если бы удалось подобраться к нему достаточно близко, чтобы закинуть в него одну из трех или четырех гранат, которые были при мне. Отойдя от дороги шагов на двадцать и забравшись в кусты, я начал подбираться к блиндажу с фланга. Добравшись до точки, на которой я был под прямым углом к этой постройке, я пополз к ней

на брюхе, и тут пулеметчик, должно быть, разглядел, как заколыхалась трава справа от него. Когда он повернул ствол в мою сторону, я вжался в землю. В это же мгновение пулемет начал поливать меня свинцом, и его очереди прошли лишь чуть выше моей спины и затылка. Даже вдавив свое тело в почву под собой, я почувствовал, как одна из пуль буквально вырвала клок ткани из моего кителя. Я уже ждал того, что смерть вот-вот найдет меня, и меня охватил ужас.

И тут неожиданно пулеметчик повернул ствол обратно на дорогу, вероятно, решив, что я уже мертв. Я приподнял голову и увидел, что амбразура блиндажа находится всего в 10-15 шагах от меня. Стремительный рывок мог дать мне возможность закинуть в него гранату. Тем не менее, хотя уровень адреналина у меня в крови был на максимуме, мозг подсказал мне, что меня скосит до того, как я добегу до мертвотой зоны... Не располагая какими-либо другими возможностями [подавить пулемет], я стал потихоньку отползать назад. Я едва успел отодвинуться от блиндажа, когда раздался сильный грохот. Я поднял голову и увидел, как бревна, из которых был сложен блиндаж, взлетели в воздух и упали на землю, превратившись в кучу обломков. Это было почти чудо. Потом я понял, что было источником моего спасения, - это была одна из 75-мм гаубиц, выдвинутая на середину дороги у реки.

К тому моменту, когда 58-я Дивизия вышла к Нарве 18 августа 1941 года, наступило затишье, но нам предстояло пройти еще через месяц ожесточенных боев, прежде чем мы добрались до нашей главной цели – Ленинграда. Отражая день за днем, неделю за неделей контратаки советских войск, в поздние послеполуденные часы одного из сентябрьских дней мы промаршировали через Урицк, который оказался еще одной типичной русской деревней, застроенной небольшими деревянными домиками. Только тогда, когда мы добрались до побережья Финского залива, я понял, где мы находимся. Всего в 10-12 километрах от нас были высотные здания центра Ленинграда, и на горизонте просматривались дымовые трубы города. Постояв на месте пару дней, мы возобновили атаки, пробиваясь через застроенные двух- или трехэтажными деревянными домами улицы ленинградских пригородов и лишь время от времени сталкиваясь с упорным сопротивлением красноармейцев. Продвинувшись на 2-3 километра, мы получили приказ остановиться и оставить город, отступив на более пригодные для обороны позиции в Урицке. Поскольку мы доверяли верховному командованию, мы верили в то, что у них есть серьезные тактические основания для принятия такого решения. Многие из нас полагали, что эта остановка будет временной, необходимой для перегруппировки перед возобновлением наступления. Не было никаких признаков того, что наши усилия по занятию Ленинграду фронтальной атакой подошли к концу. Через несколько дней мы, к своему разочарованию, узнали, что Гитлер приказал перейти к осаде города вместо попытки взять его штурмом.

Следующие три месяца мы отбивали контратаки русских и находились под огнем их артиллерии. 1 октября 1941 года я был повышен в звании до обер-ефрейтора (Obergefreiter) и получил постоянную позицию передового наблюдателя нашей роты. В ноябре 1941-го, как только мы заселились в свои новые блиндажи, наступили сильные морозы. Было намного холоднее, чем то, что мы испытали в прошлом в Германии. По моим подсчетам, холод первой для нас русской зимы стал причиной гибели третьей части умерших от ран, которые в других обстоятельствах могли бы выжить. Ну и потом, кроме того, там был огонь русских снайперов и непрерывный шквал вражеских артобстрелов.

Был момент, когда наша разведка установила, что красноармейцы выпускают напротив нашей передовой собак. К телам этих бедных животных были привязаны толовые шашки, и они были обучены забираться под машины. Когда им это удавалось, штырь-рычаг, торчавший над их спинами, наклонялся и приводил в действие взрыватель. Хотя, вероятнее всего, собак, и в самом деле снабженных взрывчаткой, было немного, командование приказало нам отстреливать всех собак в качестве меры предосторожности. Со временем война ожесточает тебя и вынуждает творить злодеяния, которые ты себе и представить не мог в мирное время...

В декабре 1941 года Красная Армия перешла в контрнаступление и атаковала Группу Армий Центр. Чтобы помочь оказавшимся в трудном положении войскам, в начале марта 1942 года командование Группы Армий Север отдал приказ части своих дивизий, включая 58-ю, переместиться на Волховский фронт...

Оставив Урицк в начале марта, пехотные части нашей дивизии отправились в дальнейший путь на грузовиках. Тем временем наша рота и другие подразделения, оснащенные тяжелым вооружением, перебрасывались на юг на поезде по кружному пути протяженностью около 320 километров. Никто из нас не знал, что нашим местом назначения является рубеж на реке Волхов: мы знали только то, что нужно остановить прорыв русских.

Германское контрнаступление началось 15 марта. В условиях, когда температура воздуха была все еще намного ниже нуля, наша пехота и другие немецкие части продвинулись на север вдоль западного берега реки Волхов. Одновременно с этим другие части наступали на юг, чтобы сокрушить свои позиции с нашими и отрезать передовую часть советского клина от его основания на востоке. К тому моменту, когда наши клещи сокнулись 19 марта, в котле оказались 180 000 солдат и офицеров Красной Армии. Когда в начале апреля наступила весна, поля сражений на Волховском направлении превратились в топь. Первоначально мы радовались приходу тепла, но вскоре выяснилось, что в душной, влажной жаре посреди болот воевать еще хуже, чем зимой...

К середине мая Красная Армия решила оставить попытки снова захватить инициативу под Волховом. Воспользовавшись открывшимися возможностями, мы 22 мая атаковали по всему периметру котла, в котором находились русские. К концу месяца 58-я Дивизия и другие немецкие части сломили упорное сопротивление советских войск, запечатав котел во второй раз. В отчаянии оказавшаяся в ловушке русская пехота бросалась во все новые самоубийственные атаки на наши позиции. Захваченные в плен сообщали нашей разведке, что иногда у них за спинами размещались специальные части, вооруженные пулеметами, чтобы обеспечивать выполнение приказов атаковать.

Люббеке (в центре) с двумя товарищами близ Ораниенбаума. Лето 1942 года

Бои на Волховском фронте стихли к 1 июля, после чего 58-я Дивизия была переброшена на 120 километров к северу, к Ораниенбаумскому периметру. Изолированные в нем советские войска были прижаты к Финскому заливу примерно в 25 километрах от прежних позиций дивизии Люббеке в районе Урицка. Поскольку бои здесь не отличались интенсивностью, дивизия получила возможность отдохнуть. В этот период времени вручались награды и присваивались очередные воинские звания – Люббеке стал унтер-офицером и получил трехнедельный отпуск. Вернувшись на фронт, он узнал, что его часть была переброшена примерно на 110 километров к югу от Ленинграда, в район Новгорода. Приближалась зима, и 58-я Дивизия вместе с другими частями заняла позиции, предназначенные для удержания коридора, ведущего в Демьянский котел, к которому оказалось большое количество немецких войск. Пережив еще одну русскую зиму, Люббеке снова получил отпуск и возможность побывать в Германии. Вернувшись на фронт, он оказался в районе Красного Бора, где шли ожесточенные бои. В один из дней, выполняя свои обязанности передового наблюдателя в период подозрительного затишья, он, держа при себе полевой телефон, забрался на дерево, чтобы получше осмотреться. Вскоре он увидел четыре советских танка Т-34, продвигавшихся к позициям его роты через плоскую местность. На броне боевых машин сидели солдаты, за танками в большом количестве следовали пехота...

В то время как орудия нашей роты не предназначались для борьбы с танками противника и не имели бронебойных снарядов, я из долгого опыта знал, что их можно было наводить на цели площадью около 8 квадратных метров. Поскольку был шанс остановить дальнейшее продвижение противника, я воспользовался полевым телефоном, чтобы навести одну из наших 150-миллиметровок на ближайший ко мне Т-34, находившийся примерно в 450 метрах от меня. Разорвавшись сразу слева от цели, первый снаряд сбросил солдат с танка, но не нанес ему никакого ущерба. После того, как я скорректировал огонь гаубицы так, чтобы расчет взял правее, следующий снаряд упал с недолетом. Посланный вслед за ним разорвался совсем близко от танка, буквально в полутора-двух метрах от него. Получив от меня новые поправки, расчет произвел четвертый выстрел. Когда снаряд разорвался на броне башни танка, тот немедленно остановился. Через несколько секунд над машиной начал струиться белый дымок. Переместив свое внимание на второй Т-34, находившийся в 18-20 метрах за подбитым танком, я навел на него пятый выстрел. Разрыв снаряда, влетевшего в гусеницу танка сбоку, остановил машину и вынудил экипаж покинуть ее и разбежаться в поисках укрытия. Третий танк немедленно прекратил продвижение вперед, в то время как четвертый стал откатываться назад.

Как только эта атака окончилась, более многочисленная группа из примерно 15 машин немедленно оказалась в поле моего зрения в 900 метрах дальше от сцены недавнего боя, после чего исчезла за холмом. Не будучи уверенным в том, возобновит она атаку или нет, я позвонил в штаб полка (вероятно, это был 154-й Пехотный/Grenadier Полк, входивший в 58-ю Дивизию – ВК) и доложил нашему новому командиру, полковнику Херману-Хайнриху Беренду (Hermann-Heinrich Behrend, 1898-1987, позднее генерал, на фото слева) о положении дел.

«Где вы находитесь?» - спросил он меня, прежде чем я начал говорить. «Я сижу на дереве сразу за передовой,» - ответил я, немного нервничая. «Какого черта вы там засели?!» - заорал он в ответ, очевидно обеспокоенный тем, что я оказался на такой уязвимой позиции. Сообщив ему, что мы остановили танковую атаку противника, прощупывавшего нашу оборону, я предупредил его о том, что значительная масса бронетехники концентрируется за холмом и может перейти в новую атаку. Запросив информацию о количестве танков и их местонахождении, он дал мне понять, что передаст эти данные в штаб дивизии, после чего повесил трубку.

После того, как их первоначальная атака была отбита, противник, однако, не стал возобновлять наступление в нашем секторе фронта.

Люббеке в 1942 году

Хотя я был в возбуждении от того, что [при моем участии] удалось подбить несколько вражеских танков, сохранялась опасность того, что противник заметит меня, если я останусь на прежней позиции. Правда, попытка слезть с дерева среди бела дня могла существенно увеличить риск привлечения внимания вражеского снайпера или пулеметного расчета. Я сделал выбор и решил дожидаться темноты, сидя на дереве. Когда через час наступили сумерки, я быстро соскользнул вниз по стволу и устремился в тыл к своим. Добравшись до места, где находился гаубичный расчет, я рассказал артиллеристам о нашем небольшом триумфе. На войне, которая состоит из множества боестолкновений, попадание в движущуюся цель непрямым артогнем с тыловой позиции было редким и запоминающимся достижением...

Лето 1943 года, наполненное беспрерывными артобстрелами, танковыми и пехотными атаками и ситуациями, когда смерть ходила рядом, подошло к концу. Еще до наступления зимы Люббеке был награжден Железным Крестом 1-го Класса и стал кандидатом в офицеры (Deutsche Wehrmacht-Heer Anstecknadel der Offiziersbewerber). Отслужив положенный срок на должности командира отделения, он покинул свою часть и в начале декабря 1943 года прибыл в окрестности Дрездена, где ему предстояло пройти курс офицерской подготовки. Он окончил его 15 марта 1944 года и в это время обручился со своей невестой Аннелизе. Вернувшись на фронт, он был назначен на должность командира роты тяжелого оружия 154-го Пехотного Полка 58-й Дивизии.

К тому времени, когда я вернулся на Восточный фронт после офицерской подготовки в мае 1944 года, Вермахт уже отступил с большей части завоеванных ранее советских территорий. Группа Армий Север, одна из трех крупнейших армейских групп на Востоке, отступила от Ленинграда в Эстонию. Несколько недель спустя Группа Армий Центр, занимавшая позиции к югу от нас, была едва ли не полностью разгромлена в результате грандиозного советского наступления. В последующие месяцы мы отступили еще дальше на запад, назад, на территорию Рейха...

С конца января 1945 года я командовал своей постепенно уменьшавшейся в численности ротой тяжелого оружия, участвуя в непрерывных боях против безостановочно атакующих нас советских войск, рвущихся в Восточную Пруссию. Красная Армия крушила нас, обладая колоссальным численным преимуществом в людях и технике, и наше положение ухудшалось с каждым днем. Так или иначе, мы продолжали сражаться. А какой у нас был выбор? Вражеские войска противостояли нам с фронта, за спиной у нас было Балтийское море, и надежды на то, что нам удастся пробиться в центральную Германию, были незначительными. Мы дрались за свою жизнь, словно загнанные в угол животные... Получив звание гауптмана в конце марта, я боролся за поддержание дисциплины и боевого духа у находившихся в моем подчинении людей. Парни, служившие в моей роте, пытались сохранить обычное для себя чувство уверенности в себе, но не было никакого секрета в том, что ожидало нас в будущем. В тех обстоятельствах погибнуть от русской пули на поле бояказалось куда более предпочтительным, чем попасть в плен. Будучи офицером, я больше всего боялся попасть в руки красноармейцев. Если мне было суждено оставаться в живых, то я ожидал, что у меня будет выбор лишь между сдачей в плен и самоубийством. Я планировал оставить последний патрон для себя, хотя у меня не было уверенности в том, что у меня хватит мужества использовать его. До моего 25-летия оставалась всего пара месяцев, и я не хотел умирать. Пока мне удавалось избежать гибели и этой страшной дилеммы...

Фишхаузен был превращен в дымящиеся руины, и Красная Армия была всего в трех километрах от него. Я брел на запад от города с другими выжившими по главной дороге, уходившей в сосновые леса. Я находился на грани физического и психологического истощения, и мое тело двигалось вперед почти автоматически. Мой мозг онемел, но я все еще чувствовал ответственность за своих людей. Моею целью было найти еще кого-нибудь из тех, кто вырвался из этой мясорубки и нашел укрытие в одном из брошенных домов или в каком-либо из множества схронов с боеприпасами, разбросанных по лесу. Песок и кровь на лице и в глазах затуманивали зрение, и я, спотыкаясь, брел по обочине дороги, толком не видя, куда иду и что происходит вокруг меня. Через каждые двадцать шагов или около того свист очередного снаряда вынуждал меня падать на землю. Снова встав на ноги, я продолжал свой путь, стараясь проморгать глаза, чтобы разглядеть впереди какое-нибудь укрытие.

Наверное, где-то в полутора километрах от Фишхаузена, на северной обочине дороги, я увидел группу из 10 солдат моей роты, расположившихся у входа в один огромных, присыпанных землей бункеров размером 20x30 метров. Среди них был старший гауптфельдфебель Юхтер (Jüchter), пара других фельдфебелей, два обер-ефрейтора и несколько рядовых. «Где остальные?» - негромко спросил я. Один из них спокойно ответил: «Мы попали под бомбы, ракеты и огонь артиллерии. Лошадей мы потеряли, нашу технику тоже. Мы потеряли все. Все рухнуло, только мы и остались.» Остальные, которые могли

пережить все это, исчезли в этом хаосе или просто бежали дальше на запад. Долгих разговоров за этим не последовало: события предшествующих часов и недель вымотали нас психологически и физически. Конец был близок, все были подавлены. Людям были нужны самая простая информация и направление, в котором двигаться дальше. Они смотрели на меня, ожидая от меня этого, но я знал не больше, чем они. Впервые за всю войну я был сам по себе, не имея приказа, куда идти, и ни малейшего понятия о том, чего ожидать. Я сказал своим людям, что буду искать командира нашего 154-го Полка, подполковника Эбелинга (Werner Hermann Karl Ebeling, 1913 – 2008, на фото слева), как только у меня прояснится зрение. Через час, когда один из моих людей промыл мне глаза и удалил пулевые осколки с моего лица, я уже видел достаточно хорошо, чтобы приступить к поиску своего командира.

Приказав своим людям оставаться в бункере, я ушел на запад. Время от времени неподалеку падали снаряды, но это не создавало мне помех. Через 15 минут я набрел за небольшой замаскированный бункер примерно в 15 шагах на юг от главной дороги и вошел

в него, ожидая найти вакантное место для укрытия, но, к моему изумлению, обнаружил в нем с полдюжины генералов, высокий ранг которых легко было определить по красным лампасам на их брюках. Моментально потеряв дар речи, я инстинктивно встал по стойке смирно и отдал честь. Они стояли вокруг стола, изучая карты, и поэтому не выразили никакого удивления в связи моим неожиданным появлением, а лишь отсалютовали в ответ.

Когда я уже собирался обратиться с просьбой дать мне новые приказы, тишину разорвал рев самолетных моторов. Генералы нырнули под стол, а я выскочил наружу - группа из примерно десяти бомбардировщиков B-25 американского производства с советскими красными звездами уже приступила к пикированию на наш участок местности с юга. Когда они были еще на высоте около 3 000 футов, от них отделился поток небольших черных объектов. У меня оставалось всего несколько секунд, чтобы найти себе укрытие, прежде чем на место, где я находился, начали падать бомбы. Отбежав на 5-6 метров от бункера, я запрыгнул в окоп глубиной около 1.8 метра. Стоит бомбе попасть в бункер, в котором ты пытаешься укрыться, ты обречен. Если ты укрылся в окопчике или траншее, снаряд или бомба должны упасть прямо на тебя, чтобы убить или серьезно ранить. Ты можешь получить контузию, если снаряд или бомба упадут рядом, но ты останешься в живых...

Присев на корточки в окопе, я держал голову сразу ниже бруствера, чтобы меня не засыпало землей, если что. Мои ладони были прижаты к ушам, рот открыт, чтобы давление в моей голове было близко к атмосферному. Я сделал это на случай, если рядом взорвется бомба, чтобы не лопнули барабанные перепонки. Война учит солдата множеству приемов выживания, если тебе было отпущено время на то, чтобы выучить какие-то уроки. В тот момент, когда я нашел себе укрытие, русские бомбы начали падать вокруг моего окопа в быстрой последовательности, словно гигантские ракеты после залпа. Серия оглушительных взрывов подняла на дыбы землю и с неописуемой силой встряхнула воздух. В этом мгновение я подумал о том, уж не покинула ли меня фортуна и не подошел ли мой конец. Как ни странно, я не испытывал ужаса. Артиллерийские и ракетные обстрелы и бомбёжки стали настолько рутинной частью моего существования в предшествующие годы, что я почти привык к ним. Пока бомбы перемалывали все вокруг меня, мне не оставалось ничего другого, кроме того, чтобы пережидать это. Хотя мой рот был открыт, взрыв, произошедший, вероятно, футах в шести от меня, создал такое давление, что от него у меня не едва не вылетели барабанные перепонки. Когда продолжавшиеся около минуты взрывы стихли, я понял, что мне повезло и я снова выжил. В ушах у меня звенело, разум затуманился. Я с большими усилиями выбрался из окопа. Несмотря на незначительные ранения, отсутствие сна и недоедание в последние недели я все еще был в неплохой физической форме. В психологическом плане я был побит в большей степени, и мне было необходимо сохранять ясность мышления. Я был офицером и должен был вести за собой своих людей и заботиться о них.

Хотя генеральский бункер остался в целости и сохранности, я решил, что у них есть заботы поважнее, чем отдача приказов ротному командиру. Возобновив поиски полкового командира, я направился на север и перешел через главную дорогу. Минут через десять я неожиданно натолкнулся на подполковника Эбелинга, пытавшегося создать новую линию обороны в 400 метрах от этого пункта. Я вздохнул с облегчением: теперь я мог узнать, что происходит вокруг, и получить новые приказы. В ходе короткого разговора Эбелинг проинформировал меня о том, что верховное командование отправляет нас в Германию. Все оставшиеся в живых офицеры 58-й Пехотной Дивизии должны были прибыть в тыл, чтобы стать ядром для новой дивизии, которую планировалось сформировать в Гамбурге. Одновременно с этим остававшееся в строю небольшое число рядовых солдат переведилось 32-ю Пехотную Дивизию, которой предстояло вести арьергардные бои в попытке замедлить наступление Красной армии. Проинструктировав меня, Эбелинг написал и подписал приказ прямо в моей солдатской книжке (Soldbuch). Поскольку офицерам нашей дивизии предстояло самостоятельное путешествие в тыл, письменный приказ подобного рода был нужен, чтобы повысить вероятность того, что кому-то удастся добраться до Германии и что эсэсовцы не покарают меня как дезертира.

Я был благодарен судьбе за то, что у меня появился шанс оставить за спиной весь этот хаос, однако было очевидно, что осуществить предполагаемое путешествие почти невозможно. Красная армия уже перерезала ведущие в Германию сухопутные дороги к западу от перешейка Фрише Нерунг/Frische Nehrung – длинной и узкой песчаной косы, вытянутой (с юго-запада на северо-восток – ВК) вдоль побережья Балтийского моря. Помимо этого, корабли и суда, пытающиеся уйти в Германию, рисковали оказаться под атаками советских подводных лодок и авиации.

Вернувшись к моим людям, ожидавшим меня в бункере, я отозвал в сторону Юхтера и объяснил ему, что меня отправляют в Германию в сопровождении одного солдата из моей роты. Он был моим заместителем, и, естественно, я взял бы его с собой, потому что он мог помочь мне в формировании новой части, но я чувствовал, что важно дать ему возможность принять самостоятельное решение, чем просто отдать ему приказ. «Пойдете со мной?» - спросил я его. Он выразил согласие простым словом *Jawohl!*

Хотя наши шансы на то, чтобы добраться до центральной Германии, казались сомнительными, Юхтер и я, по меньшей мере, имели шанс попытаться это сделать. Понимая, что информация об этом лишь усилит у моих людей чувство безнадежности, я не стал говорить им о приказе, отданном лично мне, а проинформировал их лишь о том, что они переводятся в состав 32-й Дивизии. Учитывая то, что почти вся моя рота погибла, мне было тяжело расставаться с этими несколькими парнями. Оставшись в этом бункере еще на два дня, я хотел сделать все возможное для того, чтобы их перевод в другую дивизию прошел без проблем. Юхтер тем временем попытался использовать свои связи с тыловиками, чтобы раздобыть боевые награды, которые заслужили некоторые из них.

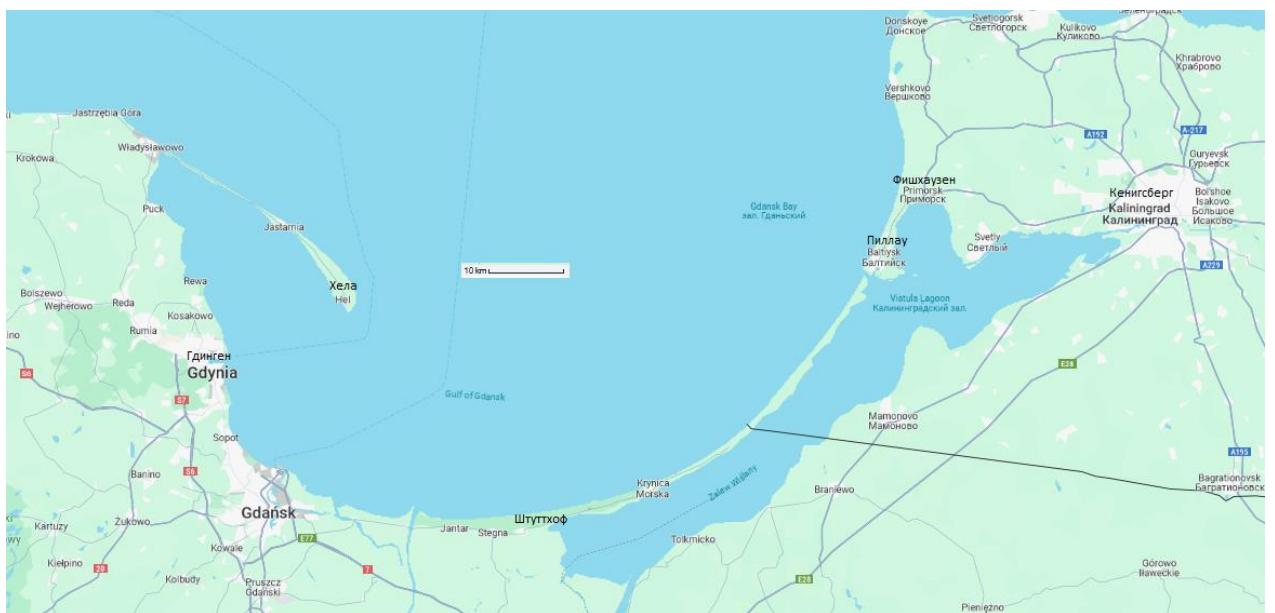
Через два дня после катастрофы в Фишхаузене у меня появилась возможность вручить им один Железный Крест 1-го Класса и несколько Крестов 2-го Класса, но у меня не было возможности присмотреть за их переводом в сложившейся неразберихе. В конце концов, они были вынуждены отправиться в 32-ю Дивизию сами по себе, словно они были овечками, потерявшимися в штормовую погоду... Если они и не погибли в последние дни войны, они почти наверняка были захвачены русскими. Если им повезло, они могли пережить три или четыре года плена и вернуться в Германию. Мысли об их возможных страданиях и неопределенность того, что с ними случилось, до сих пор мучают меня.

Под беспокоящим огнем русской артиллерии Юхтер и я покинули бункер после полудня 18 апреля и пошли по главной дороге в направлении Пиллау, расположенного в 10 километрах от нас. Если бы мы могли добраться до гавани, у нас был шанс пересечь узкую акваторию, отделяющую Пиллау от северного окончания перешейка Фрише. Приблизившись к городу в сумерках часа через три, мы увидели мрачную сцену. На деревнях, росших вдоль дороги, висели тела десятка или около того немецких солдат. Юхтер и я промолчали, но было очевидно, что это дело рук эсэсовцев. Были эти люди дезертирами, просто отбились от своих частей или были контуженными – никакой разницы для СС не было.

Большинство немецких солдат и офицеров, бок о бок с которыми я воевал, рассматривали *Ваффен СС*, по существу, как часть Вермахта, но презирали эсэсовцев из [тыловых] частей, которых считали отморозками из нацистской политической полиции. Неудивительно, что в то время, когда нацистский режим доживал последние дни, эсэсовцы вешали любого, кого считали предателем, предупреждая таким образом, что это может случиться с каждым. Будучи свидетелем их жестокого «правосудия», я был преисполнен ненависти к ним. Пока мы шли через Пиллау в наступивших сумерках, интенсивность артобстрела усилилась. Когда наступало короткое затишье, Юхтер и я выбирались из временного укрытия и перебегали к следующему разрушенному зданию, все время оставаясь начеку в ожидании следующего снаряда и стараясь не попадать под огонь на открытом пространстве.

Когда мы через несколько часов добрались до бухты на западной стороне города, у причалов уже собралась толпа из сотен военнослужащих и гражданских беженцев. Несмотря на хаос один или два парома продолжали перевозку пассажиров и автомашин через полосу воды шириной около 180 метров, отделявшей Пиллау от северо западной оконечности косы Фрише. Нам не оставалось ничего другого кроме ожидания своей очереди под спорадическим огнем вражеской артиллерии. Через полчаса, когда уже было темно, Юхтер и я протиснулись на паром вместе с примерно сотней солдат, беженцев и каким-то количеством грузовиков и другой военной техники. Как только паром причалил к противоположному берегу минут через десять, мы присоединились к паре десятков других солдат, забиравшихся в кузова грузовиков, которые только что были переброшены через канал. Пока рядом с нами время от времени падали снаряды, наш грузовик в辚ился в наспех организованную колонну, уходившую на запад. Грузовики медленно тронулись вперед в полной темноте с отключенными фарами, чтобы избежать внимания авиации русских. Через несколько часов мы проследовали мимо группы горящих зданий (возможно, это был концентрационный лагерь Штуттхоф/Stutthof – ВК). Поскольку эту местность не бомбили и она не попадала под артобстрел, это показалось мне странным. Повернувшись к сидевшему рядом со мной солдату, я спросил, что здесь было раньше. «О, вероятно, они сжигают KZ,» - ответил он. Я не знал, что это означает, и он объяснил, что KZ – это концентрационный лагерь (Konzentration Lager) для врагов Рейха. Может показаться невероятным, но только тогда, в самом конце войны, я узнал о существовании и назначении концентрационных лагерей. Это открытие привело меня в замешательство, так как я не связывал подобные лагеря с нацистской политикой геноцида. Мое неосведомленность о существовании системы концлагерей в годы войны была типичной для большинства немцев. Фотографии лагерей не стали доступными общественности ни в Германии, ни в союзных странах [антититлеровской коалиции], пока не окончилась война.

Умение гитлеровского режима держать массовые зверства в секрете от населения демонстрирует его эффективность в контроле над распространением информации, которая могла бы поставить под угрозу его [общественную] поддержку. Как и большинство немцев, я с горечью почувствовал себя преданным, когда узнал о том, нацистские лидеры инициировали уничтожение миллионов евреев, цыган и других узников этих лагерей. Это не было тем, за что я сражался и за что столь многие мои товарищи отдали свои жизни.

Карта размещения городов, упомянутых Вильгельмом Люббеке

Перед самым рассветом наша наспех собранная колонна добралась до Штуттхофа/Stutthof (ныне Штутово/Sztutowo, Польша, находится в основании (на юго-западе) косы Фрише Нерунг - ВК) – месте сбора военнослужащих, добравшихся сюда из Пиллау. Мы провели

весь день в укрытиях, прежде чем отправились в путь, на этот раз по морю. Погрузившись вечером на паром, Юхтер и я пересекли Данцигский залив и добрались до Хелы/Hela (ныне Хель/Hel – Польша - ВК) – порта, расположенного на окончности протяженного полуострова в 20 милях от Штуттхофа. Сойдя с парома, мы нашли пристанище в блоке трехэтажных кирпичных зданий, покинутых жителями. Измученные месяцами боев и долгим путешествием, мы сразу уснули.

Мы не знали о том, что катастрофа в Фишхаузене случилась в тот самый день, когда Красная Армия начала свое последнее наступление на Берлин далеко на западе от нас. Эта операция превратила все балтийское побережье в захолустье по отношению к главным событиям войны, хотя изолированное положение Хелы, вероятно, тоже стало причиной того, что его занятие было отложено русскими на потом. Так или иначе, они, похоже, согласились на то, чтобы просто держать его под обстрелом со стороны Гдингена/Gdingen (ныне Гдыня, Польша - ВК) – города с гаванью, расположенного примерно в 15 километрах от нас на уже занятой Советами территории.

До зоны боевых действий было далеко, и я постоянно думал о моей невесте, Аннелизе, которую я встретил шесть лет назад, за несколько месяцев до того, как был призван в армию. Хотя прошло несколько месяцев с того момента, когда мы обменялись письмами, в душе я был уверен, что мы остаток наших дней мы проведем вместе, если мне удастся избежать русского плена и добраться до Германии. В последующие дни моя часть, главным образом, отдыхала и находилась в поисках провианта. Как-то во второй половине дня я увидел вдалеке подполковника Эбелинга с группой штабных офицеров 154-го Полка, но не стал заговаривать с ними. Хотя все мы искали возможности добраться до Германии согласно имевшимся приказам, было ясно, что Вермахт находится в процессе разложения. По сути дела, теперь каждый был сам за себя. В этот период времени мы получили известия о двух наихудших морских катастрофах в истории. В январе-феврале 1945 года лайнеры *Wilhelm Gustloff* и *General von Steuben* были торпедированы и потоплены русскими с тысячами беженцев и раненых военнослужащих на борту на пути из Восточной Пруссии в Германию. Несмотря на все то, что нам довелось перенести к тому времени, эти новости еще больше усугубили охватившие нас чувства скорби и отчаяния. Даже если бы нам удалось найти место на одном из судов, покидающих Хелу, оставалась угроза советских атак с моря, что делало перспективы возвращения в Германию еще более сомнительными, чем когда-либо. В то же время большинство офицеров, находившихся на полуострове Хела, даже не предпринимало серьезных попыток покинуть его невзирая на полученные ими приказы вернуться в Германию. В нас все еще теплились воинская честь и чувство солидарности, и что-то действовало по инерции. Несмотря на общий развал военного порядка, никто из нас не хотел обнаруживать желания бросить своих товарищей и отбыть куда-то без них даже в тех условиях, когда уже не было смысла оставаться там, где мы оказались.

Через 2 ½ недели после нашего прибытия в Хелу Юхтер как-то оказался на улице, когда неожиданно начался артобстрел русских. Он получил осколок в бедро. Получив сообщение о его ранении от санитаров, я попросил нашего полкового врача осмотреть его. Наблюдая за тем, как он перевязывает рану, я спросил его, не стоит ли наложить на его ногу шину, чтобы предотвратить дальнейшую потерю крови. Врач сказал, что в этом нет необходимости и что рана не угрожает жизни. Сделав перевязку, он приказал мне доставить Юхтера в полевой госпиталь, который был организован в подземном бетонном бункере. Вместе с санитарами я оттащил его туда – он был всего в 75 ярдах от нас. В этом помещении раненые лежали штабелями вдоль стен. Найдя дежурного врача, я сказал ему, что у меня тяжелораненый солдат, которому необходимо немедленно оказать помощь. Он ответил: «Да, но осмотритесь. Мы должны соблюдать приоритеты. Положите его там, и мы о нем позаботимся.» Склонившись к Юхтеру, я сказал ему: «Я вернусь завтра, чтобы посмотреть, как у тебя идут дела.» Придя в госпиталь на следующее утро, я узнал о том, что Юхтер ночью скончался. Сознавая, что он, вероятно, умер от шока и потери крови, было трудно удержаться от гнева в адрес полкового врача, который решил не накладывать

шину, которая могла бы спасти его жизнь. Даже после потери большого количества боевых товарищей смерть Юхтера показалась мне особенно бессмысленной...

Люббеке со своей невестой в Гамбурге в 1943 году

Оставшись один и не имея при себе ничего, кроме пары пистолетов, я стал обдумывать свое положение. Отданные мне приказы оставались прежними, но я, наконец, снова почувствовал желание выбраться из Хелы. Ранним вечером следующего дня я прошагал 500 ярдов от нашего блока к гавани, чтобы узнать, что там происходит. Неожиданно я попал в ситуацию, которая изменила всю мою жизнь. Увидев около 400 солдат, стоявших у причала с полной боевой выкладкой, я понял, что эта часть собирается покинуть Хелу. Я немедленно принял решение присоединиться к ним, куда бы они ни отправлялись. Поговорив с солдатами, я распознал их силезский акцент и узнал, что их пехотный полк получил приказ отбыть морем в Германию. Странное дело, но никто не спросил меня, что я тут делаю, и не потребовал показать имеющиеся у меня письменные приказы ни в Хеле, ни на пути из нее. Это могло быть связано с тем, что ко мне проявили уважение как к офицеру, хотя мои знаки различия все еще были обер-лейтенантскими несмотря на присвоение мне звания гауптмана в марте. С другой стороны, отсутствие интереса ко мне могло быть отражением общего хаоса, охватившего армейские тылы. Когда после наступления темноты пришел приказ об отплытии, я забрался на палубу одной из небольших барж вместе с парой сотен солдат. Через полчаса, где-то в одной миле от гавани, напротив нас появился силуэт огромного корабля – это был новейший немецкий эсминец. Мы забрались по веревочному трапу на его палубу, где нас тепло встретили моряки, которые показали нам, куда идти дальше. В то время как рядовые солдаты расположились прямо на палубе, меня проводили в одну из кают. Несмотря на то, что недавно были торпедированы несколько немецких кораблей и судов, идущих на запад, лежа на койке, я почувствовал в душе проблески оптимизма относительно моих шансов выжить. Рано утром ко мне пришел моряк и разбудил меня. Негромким голосом от сказал: «Война окончена/Der Krieg ist vorbei.» Это было 9 мая 1945 года.

Вильгельм Люббеке (на фото слева он в последние годы жизни) попал в плен к британцам. Он вернулся в Германию и в 1946 году женился на Аннелизе. В 1951 году он эмигрировал в Канаду и позднее перебрался в США, где нашел работу инженера-электрика. В 2006 году вышла книга его воспоминаний У Ворот Ленинграда: История Солдата Группы Армий Север. Он умер в 2021 году.

Источники

<https://warfarehistorynetwork.com/article/suicide-or-surrender/>

<https://www.citizen-times.com/obituaries/act094825>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org